

ТРУДНАЯ ЖИЗНЬ

М. МУРАВЛЕВ

На севере индонезийского острова Суматра расположен особый административный округ Ачех (или Аче). Его площадь составляет 55 392 квадратных километра, а населяющие его племена ачинцев, гайо, алас насчитывают 1,9 миллиона человек.

Большая часть территории Ачеха покрыта горами. Это один из наиболее труднодоступных и изолированных районов Индонезии, где до сих пор господствует натуральная система хозяйства. Ачех — отсталая в экономико-политическом отношении провинция, представляющая собой аграрный придаток соседних, более развитых областей.

У Ачеха богатая, интересная и самобытная история и культура. Ачинцы в течение длительного времени вели борьбу за свою национальную независимость, против иноземных колонизаторов. Голландцам, которые более трех с половиной веков управляли Индонезией, так и не удалось покорить Ачех, хотя они 30 лет вели войну с ачинцами (1873—1903 годы). Вплоть до второй мировой войны голландцы были вынуждены держать в Ачехе 90-тысячный экспедиционный корпус.

В своей борьбе Ачех пытался заручиться поддержкой крупных мировых держав, в том числе России. В 1873 году через русского посла в Константинополе султан Ачеха обратился к Александру II с просьбой взять его султанат, находившийся в состоянии войны с Голландией, под свое покровительство. Затем он дважды повторял это предложение: в 1873 году, во время стоянки русского военного судна в Пеканге, и в 1904 году, через русского консула в Сингапуре.

После провозглашения независимости Индонезии в 1945 году Ачех добился некоторой автономии и получил статус особого административного округа.

ПОЗАДИ четыре часа тряски по глубоким дорожным колдобинам. Глухо урча мотором, наш «ГАЗ» вылез на вершину очередного холма. Справа возвышалась крутая стена зеленых и душных джунглей. Уходили вверх серебристые стволы гевеи. Лет двадцать назад здесь

были ухоженные каучуковые плантации, принадлежавшие голландцам, но постепенно они заросли и превратились в самые настоящие джунгли.

Впереди виднеются длинные дощатые бараки. Над ними высоко вознеслись кроны кокосовых пальм с гроздьями ярко-желтых и зеленых орехов.

Через некоторое время мы остановились у шлагбаума. Рядом с ним объявление: «Вы въезжаете на территорию особого административного округа Ачех». Низкорослый индонезийский солдат в зеленой форме, обвешанный «лимонками», за плечами которого торчало дуло старого японского карабина, подошел к нам. С безразличным видом он проверил наши документы, выданные военными властями соседней провинции Северная Суматра, и лениво поднял вверх некрашеное бревно шлагбаума.

Проезжаем бараки, в которых, по-видимому, размещился пограничный пункт. Под навесом прямо на земле свалены мешки с рисом. Невдалеке стоит с задранной капотом красно-желтый автобус.

Как нам говорили, урожай риса в Ачехе удался и цены на него здесь оказались гораздо ниже, чем в соседних провинциях, где лучшие земли отданы под плантации каучуконосов и масличной пальмы. Предприимчивые ачехские торговцы решили воспользоваться случаем и заработать на этой разнице цен. Местные же власти, вступив в конфликт с центральным правительством, отказались выполнить его предписание о передаче излишков риса тем районам, где был неурожай.

Через несколько километров начались плантации масличной пальмы. Дорогу пересекает узкоколейка, на которой виднеются ржавые вагонетки, доверху нагруженные гроздьями темно-малиновых сочных плодов. Вдали между деревьями проглядывает здание маслобойного завода, где производится оранжевое пахучее масло, пользующееся столь большим спросом на мировом рынке.

Раньше здесь хозяйничал франко-бельгийский концерн «Сокфин», чья собственность в 1965 году была поставлена под контроль правительства Индонезии. Но уже в 1966 году новое правительство, возглавляемое генералом Сухарто, взяв курс на сближение со странами Запада, предложило всем

иностранным монополиям, ранее имевшим предприятия и плантации в Индонезии, вернуться в страну. «Сокфин» пошел на создание смешанного, с индонезийским капиталом, предприятия «Сокфиндо», в котором по-прежнему реальными хозяевами являются иностранцы.

По мере приближения к центру нефтепромыслов — городку Рантау все чаще встречаются автомобили различных нефтяных компаний. Прямо на плантациях расчищаются площадки под буровые вышки, повсюду кипит работа. На промыслах много японцев, американцев, французов и западных немцев.

Раньше добыча нефти в этом районе монопольно велась англо-голландским концерном «Ройял датч-Шелл». В 1958 году, во время кампании по национализации голландской собственности, шелловцев изгнали из Ачеха, а промыслы передали только что созданной компании «Пермина». Поскольку она испытывала определенные трудности при добыче и сбыте нефти, индонезийское правительство приняло решение о сотрудничестве с рядом зарубежных фирм, в первую очередь японских.

В 1969 году в Рантау было добыто более четырех миллионов тонн нефти. Нефтяной бум, охвативший всю Индонезию, коснулся и Ачеха.

Из Рантау нефть перекачивается по 38-километровому трубопроводу в порт Пангкалан-Сусу, где в 17 километрах от берега на морской бункерной станции заправляются крупные танкеры. По соглашению вся продукция промыслов вывозится в Японию. Выручка поступает центральному правительству, что вызывает острую критику со стороны властей Ачеха.

Нефтепромыслы тщательно охраняются армией. Военные играют заметную роль в деятельности «Пермины». Им принадлежат практически все руководящие посты в компании. Генеральный директор промыслов в Ачехе — подполковник Кусни.

Во время встречи в Рантау сопровождавший нас молодой инженер с горечью говорил о том, что армейцы ничего не понимают в производстве, мешают работать, вносят путаницу и неразбериху. По его словам, они погрязли в коррупции и казнокрадстве. Армия активно использует «Пермину» как источник необходимых для нее средств.

Рабочие нефтепромыслов лишены права на любой протест: законодательство современной Индонезии запрещает забастовки. Против них широко используются армия и специальные отряды так называемой гражданской самообороны. Жесткая политика в рабочем вопросе — гарантия баснословно дешевого труда и соответственно крупных барышей для незначительной кучки стоящих у власти индонезийцев. Рабочие «Пермины» получают от 300 до 2000 рупий в месяц, в то время как цена за килограмм риса — основного продукта питания — колеблется от 45 до 50 рупий.

Рабочие живут в бараках, в антисанитарных условиях. Они не пользуются правом отпуска. Для детей нет ни детских садов, ни школ. Рабочие нефтепромыслов и члены их семей лишены квалифицированной медицинской помощи.

В городке нефтяников много новеньких, с иголочки, машин, которые, как и многое другое оборудование, используются до первой поломки. За техникой здесь ухаживать не любят. В случае простейших неполадок ее бросают или пускают на запасные части. Большое кладбище машин, валяющиеся повсюду части оборудования, заплесневевшие и полусгнившие ящики с ценнейшими приборами свидетельствуют о царящей в «Пермине» бесхозяйственности. В Рантау нам рассказывали, что заказанные в

Японии электронно-вычислительные машины почти три года ржавеют на складах компании — нет специалистов, которые могли бы их установить и использовать.

Из Рантау мы вновь повернули на север. Одна за другой остаются позади ачинские деревни. Дома стоят на сваях: таким образом местные жители спасаются от тропических ливней.

Жилище ачинца обычно окружено крытой террасой. Дом состоит из двух половин: впереди — мужская, а сзади — женская. Вокруг дома посажены фруктовые деревья. Деревни тянутся вдоль дороги, и сразу же за первыми домами начинаются джунгли.

На улицах в дневное время довольно много мужчин. Появление женщины в общественных местах в Ачехе резко ограничено догмами ислама. Женщина здесь находится в подчиненном положении, и с ней практически не считаются.

По внешнему виду ачинцы во многом отличаются от соседних батаков, малайцев и делийцев. У них более смуглый цвет кожи, высокий рост, узкие лица. Ачинцы очень похожи на арабов или на выходцев из южных районов Индии. По-видимому, это объясняется тем, что в древности миграционные волны прежде всего разбивались о берега Ачеха и уж затем катились дальше — на Яву, Сулавеси и другие острова архипелага. К представителям древнего коренного населения относятся народности гайо и алас, живущие в труднодоступных горных районах. Они составляют меньшинство по сравнению с ачинцами, которые в значительной мере смешались с представителями других народов.

Ачинцы и по характеру отличаются от своих соседей. На их формирование наложили отпечаток трудные условия существования, особенности исторического развития, и в первую очередь длительная борьба за свободу и независимость. Они с недоверием, а иногда и просто враждебно относятся к чужестранцам, особенно подозрительны к белым. Ачинцы очень воинственны и никогда не расстаются со своими знаменитыми кинжалами-ренчогами.

Наша поездка пришлось как раз на последние дни мусульманского поста — пуасы, который длится месяц. В Ачехе требования пуасы соблюдаются неукоснительно. В дневное время все базары, лавки и ресторанички были закрыты — пуаса запрещает есть и пить днем.

В каждой деревне имеется мечеть. Однако у здешних мечетей нет минаретов. Перед фасадом обычно устанавливается большой барабан. Ударами в него созывают верующих на молитву. Большинство ачинцев молится пять раз в день.

Ачинцы фанатичны и нетерпимо относятся ко всем неправовым. Между ними, католиками и протестантами постоянно происходят столкновения на религиозной почве. В 1966—1968 годах мусульмане сожгли в Ачехе почти все церкви и изгнали приверженцев других религий из деревень.

Религиозный конфликт имеет глубокие исторические корни. Ислам приник в страну задолго до появления в ней первых европейцев и стал религией большинства местных жителей. В Ачехе, куда он пришел раньше, чем в другие районы страны, возникли первые в истории Индонезии мусульманские государства. В эпоху правления мусульманского султана Искандера Муда Ачех пережил свой «золотой век» (1607—1636 годы), когда его власть простиралась не только на всю Суматру, но и на Малаккский полуостров.

Приступив к колонизации архипелага, голландцы начали искоренять ислам. В Ачехе, как и в других частях Индонезии, ислам стал религией угнетенного

народа, духовным знаменем его борьбы за национальное освобождение. Под зелеными стягами ислама в 1524 году ачинцы изгнали португальцев, в течение тридцати с лишним лет вели войну против голландцев. Все это способствовало разжиганию вражды между различными религиозными группировками. В настоящее время столкновения между ними стали предметом пристального внимания со стороны центрального правительства, которое прекрасно осознает, к каким тяжелым последствиям они могут привести. Однако правительству Сухарто, несмотря на неоднократные серьезные попытки, до сих пор не удалось помирить между собой мусульман и христиан.

Одной из особенностей Ачеха явилось также то, что здесь ислам принял активное участие в сепаратистском движении, в борьбе за большую автономию. Видные представители ислама возглавили оппозицию центральному правительству, которая открыто выражает свое недовольство тем, что за 25 лет независимости практически ничего не сделано для ликвидации экономической отсталости этого района. Именно в Ачехе стремятся к созданию в Индонезии мусульманского государства.

Экономическая отсталость привела к тому, что в Ачехе фактически сохранились феодальные производственные отношения. Однако в последнее время здесь усилился интерес феодалов к торговле. Большинство ачинцев все еще крепко привязано к земле. Даже когда ачинцы становятся чиновниками, торговцами или просто уходят из деревень в город, они не порывают связи с землей: на их участках работают родственники, которые определенную часть урожая отдают владельцам земли. Там же, где требуется наемный труд, например в плантационном хозяйстве или на нефтепромыслах, заняты в основном переселенцы с Явы, к которым местное население относится враждебно.

По дороге мы подвезли на своей машине крестьянина с мешком. Из разговора выяснилось, что Али Рахман (так звали нашего нового знакомого) идет в город, на базар, продать немного риса и купить шелковый нарядный саронг — это длинная мужская юбка — для сына, которому через несколько дней будет сделано обрезание. Этот мусульманский обряд, символизирующий превращение мальчика в мужчину, — одно из самых торжественных событий в жизни ачинца.

По словам Али Рахмана, у него есть земельный надел размером в два гектара, живность, дом. Семья состоит из шести человек. Живут неплохо: «Слава аллаху, еды хватает на всех».

Двое сыновей Али Рахмана уже ходят в медресе. Правительственная начальная школа находится довольно далеко, в соседней деревне. В ней часто не бывает учителя, так как за нищенскую плату — около 300 рупий в месяц — никто не хочет работать. Положение усугубляется еще и тем, что правительство нередко задерживает выплату денег учителям более чем на полгода. В деле образования своих детей Али Рахман ставит вполне четкие и определенные задачи: «Главное, чтобы они знали молитвы и могли поблагодарить всемогущего аллаха за его милости. Остальное знать необязательно, они все равно останутся такими же крестьянами, как и я».

С попутчиком мы расстались у въезда в городок Чут-Гирек, где с помощью Польской Народной Республики сооружается крупный сахарный завод. Там нас радушно принимали польские специалисты, которые любезно согласились показать нам завод и познакомили с представителями местной администрации. Проектная мощность завода — 100 тысяч

тонн сахара в год. Представитель индонезийской администрации рассказал, что через несколько лет около завода на площади в пять тысяч гектаров будут разбиты плантации сахарного тростника. Он долго жаловался на то, что центральное правительство в лице государственной компании «П. Н. Гула» плохо финансирует строительство. Это затягивает окончание работ и приводит к тому, что квалифицированные рабочие, получившие подготовку под руководством польских специалистов, разбегаются по другим предприятиям.

После короткого отдыха мы двинулись дальше. Один за другим бежали километры пыльных ачехских дорог. Миновав небольшие и уютные ачехские города, из которых наибольший интерес представляет город Сигли — центр кустарной промышленности, славящийся своими оружейниками и народными художественными промыслами, мы въехали в столицу Ачеха — город Банда-Ачех. Он невелик: около 10 тысяч жителей.

Город застроен одноэтажными деревянными домишками. Здесь всего три каменных здания: военный штаб, отделение Государственного банка Индонезии и центральная мечеть. Машин на улицах мало. Разъезжают главным образом военные чины и полицейские.

В Банда-Ачехе, как и в любом другом индонезийском городе, имеется свой торговый центр — улица, где сосредоточены небольшие ресторанчики и магазины. Раньше здесь хозяйничали китайцы (в Ачехе их было около 250 тысяч), в руках которых находилась практически вся торговля. В 1966—1967 годах лица китайской национальности были изгнаны из Ачеха. Это явилось следствием того, что во время событий 1965 года индонезийская реакция не только обрушилась на демократические и прогрессивные силы, но и организовала антикитайскую кампанию. Погромы прокатились по всей территории Ачеха. Тут расовые столкновения носили особенно острый характер.

Удар пришелся в основном по китайской бедноте. Дома китайцев сжигались, имущество грабилось, сами они подвергались избиениям и сгонялись в специальные концентрационные лагеря. Власть попустительствовала погромщикам. Военные предоставляли грузозики, которые вывозили китайцев на

МАЛАЙСКИЕ И ИНДОНЕЗИЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Алмаз и в сточной канаве блестит.

*

Важность с собой захватил,
а красота дома осталась.

*

Головой кивает — а сам не хочет,
головой качает — а сам согласен.

границу с соседней Северной Суматрой. Армия — разумеется, за приличную мзду — защищала китайцев-богачей. Бывший командующий Ачехским военным округом бригадный генерал Искак Джуарса нажил приличное состояние на антикитайской кампании.

Дальнейшая судьба китайцев — беженцев из Ачеха трагична. Большинство их оказалось за колючей проволокой лагерей-резерваций. Они лишены каких бы то ни было источников существования, не имеют работы по специальности, изолированы от внешнего мира, подвергаются побоям и издевательствам со стороны охранников, которые заставляют их на солнцепеке выполнять каторжную работу. Поскольку все это стало достоянием гласности, парламент провинции Северная Суматра был вынужден назначить специальную комиссию. По признанию одного из ее членов, условия существования и грязь в лагерях невыносимые.

Изгнание китайцев из сферы торговли отрицательно сказалось на экономике Ачеха. Надежда на то, что местные предприниматели смогут заменить китайцев, не оправдалась: у ачинцев не оказалось, как признают сами власти, необходимых знаний и опыта. В результате произошло обестоваривание рынка и значительно выросла контрабандная торговля. Она намного превосходит зарегистрированный объем легального импорта и экспорта.

Контрабандисты пользуются покровительством порочивших в коррупции представителей военных кругов. Военнослужащие часто открывают огонь по таможенникам, которые, выполняя свои служебные обязанности, пытаются задержать контрабандистов.

В пяти километрах от Банда-Ачеха расположен университетский городок Дарус-Салам. Узкая асфальтированная дорога вьется среди кокосовых пальм, изящно изогнувшихся в сторону моря, рисовых заливных полей «савах», выбегая в нескольких местах прямо к белоснежному песку лагун.

Число студентов в Дарус-Саламе невелико: занятия посещает примерно 500 человек. Учеба в университете стоит дорого — от 30 до 40 тысяч рупий в год. Поэтому основную массу учащихся составляют выходцы из богатых семей.

В учебном процессе упор делается на гуманитарные науки, главным образом на теологию. При университете имеется обширная библиотека по исламу. После 1966 года начала поступать американская пропагандистская литература. ЮСИА проявляет значительное внимание к студентам из Дарус-Салама. За последние годы перед ними выступали бывший посол Грин, нынешний посол Голбрэйт, другие ответственные сотрудники посольства США в Джакарте. Таким образом, студенты Дарус-Салама смотрят на мир сквозь призму американской пропаганды.

Помимо этого высшего учебного заведения, в Ачехе есть несколько центров по подготовке мусульманских богословов.

На следующий день мы улетали из Ачеха. К сожалению, время не позволяло продолжить наше путешествие и лучше изучить эти места.

Индонезия. Бамбук в ботаническом саду города Богора.

Фото В. Микоша и И. Сокольников
(ТАСС)